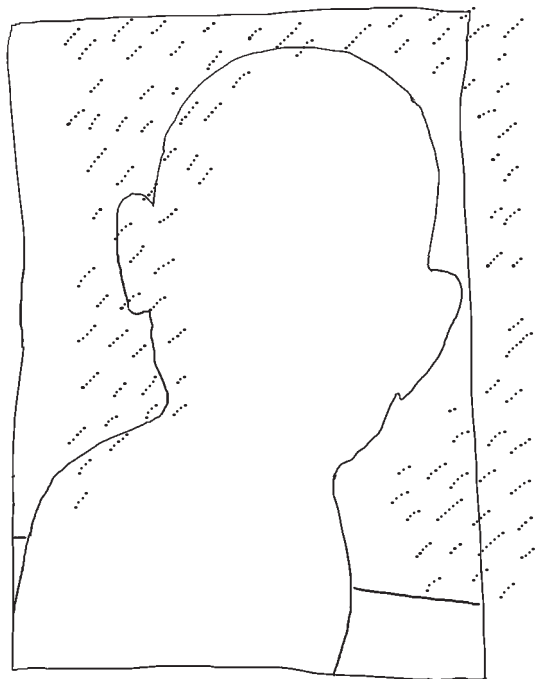

Ираклий Квирикадзе

Мальчик, идущий
за дикой уткой

Фотопортрет 0. 1939 г. о.г.

Ираклий Квирикадзе

Мальчик, идущий
за рикой уткой

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К31

Художник Андрей Бондаренко

*Благодарим за участие в издании книги журнал "STORY"
и лично Елену Кузьменко и Марину Цховребову*

Квирикадзе, Ираклий Михайлович.
К31 Мальчик, идущий за дикой уткой / Ираклий Квирикадзе. —
Москва : Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. — 539 [5] с. —
(Стоп-кадр).

ISBN 978-5-17-088785-9

Ираклий Квирикадзе, культовая фигура российского кинематографа, автор сценариев к фильмам "Кувшин", "Пловец", "Лунный папа", "1001 рецепт влюбленного кулинара", "Лето, или 27 потерянных поцелуев", преподаватель Высших курсов сценаристов и режиссеров, постоянный автор журнала "Story". В последние годы живет в Москве, работает в США, Франции, Германии, Грузии и России.

В книге "Мальчик, идущий за дикой уткой" в поэтической и одновременно эксцентричной манере, столь близкой его искусству, он рассказывает о своей жизни и о кино: старый Тбилиси, Москва, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Мальта; Сергей Параджанов, Федерико Феллини, Милош Форман, Пьер Ришар, Никита Михалков, Георгий Данелия, Рустам Хамдамов...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Квирикадзе И.М., 2016
© Бондаренко А.Л., оформление, 2016
© ООО "Издательство АСТ", 2016

Содержание

ФОТОГРАФИЯ 1. 1943 ГОД.	15
ФОТОГРАФИЯ 2. 1952 ГОД.	18
ФОТОГРАФИЯ 3. 1949 ГОД.	20
ФОТОГРАФИЯ 4. 1956 ГОД.	23
ФОТОГРАФИЯ 5. 1963 ГОД.	26
ФОТОГРАФИЯ 6. 1963 ГОД.	30
ФОТОГРАФИИ 7, 8, 9, 10.	48
ФОТОГРАФИЯ 11. 1962 ГОД.	55
ФОТОГРАФИЯ 12. 1968 ГОД.	59
ФОТОГРАФИЯ 13. 1955 ГОД.	65
ФОТОГРАФИЯ 14. 1993 ГОД.	68
ФОТОГРАФИЯ 15. 1949 ГОД.	87
ФОТОГРАФИЯ 16. 1950 ГОД.	94
ФОТОГРАФИЯ 17. 2015 ГОД.	116
ФОТОГРАФИЯ 18. 1983 ГОД.	138
ФОТОГРАФИЯ 19. 1967 ГОД.	156

ФОТОГРАФИИ 20, 21, 22, 23.	169
ФОТОГРАФИЯ 24. 1991 ГОД.	187
ФОТОГРАФИЯ 25. 1973 ГОД.	206
ФОТОГРАФИЯ 26. 2011 ГОД.	257
ФОТОГРАФИЯ 27. 1967 ГОД.	272
ФОТОГРАФИЯ 28. 1985 ГОД.	284
ФОТОГРАФИЯ 29. 1945 ГОД.	302
ФОТОГРАФИЯ 30. 1922 ГОД.	320
ФОТОГРАФИЯ 31. 1996 ГОД.	368
ФОТОГРАФИЯ 32. 1996 ГОД.	371
ФОТОГРАФИЯ 33. 1998 ГОД.	386
ФОТОГРАФИЯ 34. 1955 ГОД.	408
ФОТОГРАФИЯ 35. 1984 ГОД.	413
ФОТОГРАФИЯ 36. 1985 ГОД.	427
ФОТОГРАФИЯ 37. 1979 ГОД.	447
ФОТОГРАФИЯ 38. 1951 ГОД.	467
ФОТОГРАФИЯ 39. 2014 ГОД.	487
ФОТОГРАФИЯ 40. 1953 ГОД.	513
ФОТОГРАФИЯ 41. 1947 ГОД.	517
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	538

*Посвящается той, кто гналась
за мной и моей ленью с кухонным
ножом.*

*Кто привязывал авторучку
к моей правой руке: “Пиши!”*

*Той, кто хлестала меня по щекам,
когда я кричал: “Я не Фолкнер,
не Маркес!”*

Посвящается моей жене Тамаре.

Дорогой Чанчур!

Мне семьдесят семь лет. Если бы ты умел считать и от сегодняшнего 2016 года отнял семьдесят семь, ты узнал бы, что твой папа родился в 1939 году.

Но ты не умеешь считать (еще), тебе нет и трех лет. Ты маленькое, невероятно веселое существо, которое знает совсем немного; любимое твоё слово — “бёрд”. Это когда ты видишь в небе летящие самолеты, ты радостно тычешь в них пальцем и по-английски называешь “бёрд”. Почему по-английски говорит мальчик, живущий в Москве на улице летчицы Гризодубовой, 3, в квартире 5? Думаю, потому, что у Чанчура няня — филиппинка Менчи, которая души в нем не чаёт и целыми днями бродит с ним по остаткам знаменитого когда-то Ходынского аэродрома, где для товарища Сталина специально была выстроена трибуна и он со своими военачальниками (маршал Буденный, маршал Ворошилов и другие) наслаждался воздушными парадами. В небе летели стальные птицы, под трибуной стоял духовой оркестр, гремели медные трубы, и твой, Чанчур, двоюродный прадедушка, полковник Анзор Квирикадзе дирижировал этим оркестром. Прадедушка глядел не в ноты (он их знал наизусть), а в лицо любимого товарища Сталина, который то пальцем указывал в небо на воюющие самолеты, то раскрывал пачку папирос “Герцеговина флор” и угощал

маршалов, то в кармане своего военного кителя тайно разворачивал обертку конфеты “Раковая шейка” и так же тайно закидывал “Шейку” в рот, под левую щеку. У вождя был диабет второй степени, его постоянно сопровождала медсестра Тося Пурыгина и, заметив ненавистную ей конфету, могла ринуться и растолкать всех охранников, всех военачальников, схватить товарища Сталина за руку и отобрать “Раковую шейку”. Тося Пурыгина была молодой, сильной, думаю, сильнее семидесятилетнего генералиссимуса, вождя всех трудящихся планеты Земля. Когда у Сталина после короткого выламывания рук отбирали конфету, он шипел: “Повешу на первом же фанарном столбе тебя, Тося, и твоего хахала Анзора Квирикадзе!”

Чанчур, ты не знаешь, что полковник Квирикадзе был возлюбленным медсестры Тоси Пурыгиной. Ты забегаешь вместе с няней-филиппинкой в супермаркет “Ашан”, который построили как раз там, где стояла та самая трибуна, и просишь: “Менчи, купи мне сладкую конфетку”. “Раковых шеек” уже нет в продаже, но так же, как генералиссимусы, маленькие мальчики во все времена любили, любят и будут любить сладости. Собственно, об этом я и захотел написать книгу и рассказать в ней многое, что ты сегодня не знаешь и, боюсь, когда повзрослеешь, можешь не узнать... Да и как ты можешь узнать, если я не сообщу тебе печальную весть о том, что Тоси Пурыгиной любимого Анзора Квирикадзе 9 мая 1950 года, как только оркестр духовых инструментов сыграл на Красной площади марш в честь пятилетия победы над гитлеровской Германией, посадили в черную машину, и он навсегда исчез. Его больше не видели ни медсестра Тося, ни наше многочисленное семейство Квирикадзе — Миндадзе.

Моя мама, твоя бабушка София Миндадзе рассказывала, что в начале шестидесятих годов встретила в Кисловодске у минерального источника “Нарзан № 7” Тосю Пурьгину. Та была уже не так молода и сильно набрала вес. Тося плакала, вспоминая Анзора: “У меня было тридцать семь любовников, может, чуть больше... Никого не помню, кроме твоего, Софа, двоюродного дяди. Знаешь, как я мстила Сталину? Ни разу после ареста Анзора не отобрала у него «Раковую шейку». Делала вид, что отбираю, но не отбирала. «Сдохни, тиран», — шептала про себя”. Мама (твоя бабушка) не поверила Тосе Пурьгиной: “В шестидесятих было модно ругать Сталина”.

Мой Чанчур!

Дело не в Сталине, не в “Раковой шейке”. Да, жалко Анзора Васильевича Квирикадзе. Я хорошо помню его: он был похож на Джонни Вайсмюллера, того, кто играл Тарзана, но дело даже не в нем... Ты грузин, ты вырастешь и, я уверен, будешь знать свой родной язык, будешь знать историю по школьной программе, знать русскую литературу, любить, как и я, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Шекспира, Бродского, Сэлинджера, кого-то еще, кого будут читать в тридцатых годах двадцатого века; но мне обидно, что ты почти не будешь знать о потрясающих людях, твоих близких по крови, по фамилии. Кто они, эти люди большого семейства Квирикадзе — Миндадзе? Я хочу познакомить тебя с ними. Я даже собрал старые любительские фотографии, сложил в коробку из-под кубинских сигар “Ромео и Джульетта”, ждал, когда тебя, кроме слова “бёрд”, заинтересуют слова “возлюбленная”, “трудное счастье”, “покойные мои предки”, “мама, кто был мой папа?”.

Я думал даже написать книгу, где эти фотографии будут открывать каждую новую главу. Я определил время, место, имена тех, кто изображен, и по какому случаю они позируют неизвестному, стоящему за кадром. Нередко это был я, твой папа.

Но случилось необъяснимое. Снимки пропали. Если бы меня допрашивал следователь, я бы ему ответил так: их украли. Хочется выть от обиды! Размахивать кулаками, бежать с двустволкой!!! Но за кем?

На фотографиях были запечатлены важные моменты моей жизни, жизни моих родственников, друзей...

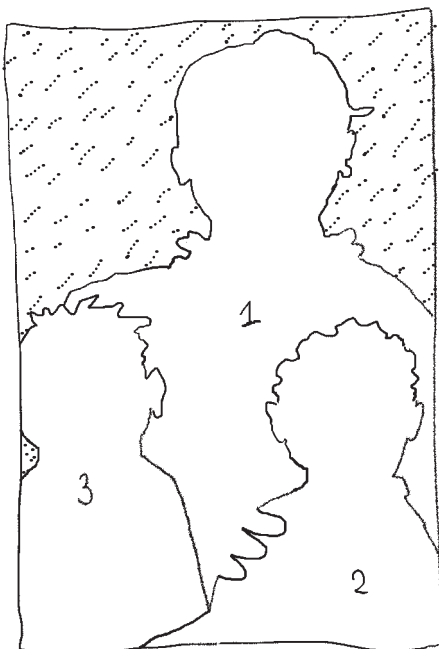
Фотографии были то ли оправданием, то ли обвинением, то ли доказательством странно, нелепо прожитой всеми нами жизни. Я долго искал снимки, ходил по дому, заглядывал под диван, за шкаф, спрашивал: “Где они?”

После недельного безуспешного поиска сел на красный старый диван (ты, Чанчур, обычно прыгаешь на нем), закрыл глаза и стал вспоминать. Стал фотографировать потерянные фотографии. Чанчур, оказывается, у меня хорошая зрительная память. Ура, малыш! Я запишу все, что выплывает из лабиринтов памяти. Важное, неважное, веселое, грустное, постыдное — всякое...

Чанчур, я пишу книгу, но она не для детского чтения. В ней не будет Дюймовочек, Алис в Стране чудес, Красных Шапочек, Серых Волков, трех поросят: Ниф-Нифа, Наф-Нафа, Нуф-Нуфа, — не будет Конька-Горбунка, Иванушки-дурачка...

...Будет много, много совсем не сказочных героев, жизнь которых была не такая сладкая, как конфеты “Раковая шейка” в карманах Иосифа Виссарионовича Сталина, но они, мои герои, не печалились, и, если на них направляли фотоаппарат, они улыбались, глядя в объектив.

Мальчик, идущий
за дикой уткой

Фотография 1. 1943 год.

На коленях громоздкой девушки
Зои (1) сидят я (2) и мой друг
Антон Чохелиа (3). Улыбаемся.

Нам по четыре года. Зоя приехала в Тбилиси перед самой войной. Она рассказывала о голоде в Поволжье, о расстрелах за сорванный на поле колосок пшеницы. Зоя поселилась в семье Антона, убирала у них в доме и гуляла с моим другом.